

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: СИМУЛЯКРЫ И СИМУЛЯЦИИ

Игнатов А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена установлению критическому анализу противодействия преступности, как системы различных видов деятельности и комплексных мероприятий (осуществляемых обществом и государством), направленных на предупреждение, устранение, нейтрализацию и ограничение (ослабление) факторов, детерминирующих преступность и минимизацию массового, системного, криминального поведения членов общества. Данный анализ осуществлен сквозь призму философских категорий симулякра и симуляции. Обращение к философским категориям симулякра и симуляции с целью критического анализа современной антикриминальной деятельности позволяет выявлять «отсутствие истины» и конструировать данную деятельность в соответствии объективно существующим порядком вещей, реальностью. Наше нежелание или неспособность познать криминальную реальность с вынужденной необходимостью порождает симулякры – криминальную и антикриминальную вместо-реальность (управляемые статистические учеты, «виртуальные» правовые нормы, различного рода технологические симулякры и пр.), которые детерминируют как реальную деятельность, так и симуляции субъектов противодействия преступности.

Ключевые слова: симулякр, симуляция, статистика, преступность, противодействие преступности, антикриминальная деятельность, правоохранительные органы.

Противодействие преступности – поливариативное, многоуровневое, разнонаправленное системное социальное образование, являющееся реакцией самоорганизации общества на объективно существующие и искусственно сконструированные явления и феномены социального бытия. Главная цель противодействия преступности заключается в создании в обществе условий минимизации уровня преступности до оптимально возможного (соответствующего состоянию политического, социально-экономического и культурного развития общества в данный момент) уровня [11].

Как и преступность, система противодействия ей в онтологическом измерении является динамическим, перманентным процессом, который невозможно остановить в своем течении и который воплощается в деятельности соответствующего характера, имеет многочисленные институциональные связи, демонстрирует подвижную социальную основу. С практической стороны противодействие преступности представляет собой систему различных видов деятельности и комплексных мероприятий (осуществляемых обществом и государством), направленных на предупреждение, устранение, нейтрализацию и ограничение (ослабление) факторов, детерминирующих преступность и минимизацию массового, системного, криминального поведения членов общества [14]. Понимание соответствующей антикриминальной деятельности на изложенных методологических позициях актуализирует потребность в разработке и реализации адекватных (т.е. соответствующих действительности и действенных) состоянию преступности мер противодействия. Однако, к сожалению, вместо реальности данная деятельность нередко наполнена симулякрами и симуляцией.

Симулякр (от лат. *simulacrum* – изображение; подобие; видимость) – категория известная философии еще с античных времен. Так, Платон определял симулякр как копию копии, искажающую свой прототип, и расцениваемую в целом как подделку, вымысел, призрак [6, с. 727]. Наибольшую значимость и популярность категория симулякра начинает приобретать в постмодернистской философии. Введенная в философию постмодерна Жоржем Батаем данная категория получила широкое распространение благодаря трудам Жана Бодрийяра, обосновавшего, что действительность уже давно вырабатывает самостоятельные, независимые от исходных трансцендентных образцов симулякры и все больше формирует из них жизненную среду человека [5, с. 74]. Жан Бодрийяр так красноречиво определял эпохальную смену реальности симулятивной гиперреальностью: «территория больше не предшествует карте, ни переживает ее. Отныне территории предшествует карта – процессия симулякров – теперь она [карта] порождает территорию...» [3, с. 16]. Для постмодерна симулякр – это копия, не имеющая оригинала в действительности; образ, знак, лишенный референта.

Какую же смысловую нагрузку несет данная категория? Изначально категория симулякра имела исключительно негативную смысловую нагрузку. В рамках репрезентативной концепции симулякр представляется в качестве искусственной негативной сущности, искажающей (но еще не отрицающей!) отражаемую действительность [15]. Сегодня исследователи указывают на то, что симулякр не является полностью негативным явлением. Это двойное отрицание (отрицание как самой модели, так и ее копий), содержащее в себе автономный потенциал к существованию. Симулякр выполняет роль формы без содержания, некоей рамки, которая может быть универсально использована для любого искусственного конструкта; это модель реальности широкого спектра применения, единственным отличительным свойством которой выступает полная от этой реальности изолированность [18, с. 142].

Таким образом, симулякр может быть определен как специфическая форма реальности, существующая сама по себе вне зависимости от своего исходного образца. Сущностную характеристику симулякра дает Жан Бодрийяр в эпиграфе к своей книге «Симулякры и симуляция»: «симулякр никогда не является тем, что скрывает истину – это истина, которая скрывает, что ее не существует. Симулякр – это истина» [3, с. 16]. С функциональной точки зрения, с одной стороны, симулякр подменяет реальность, а с другой – является реальностью, указывающей на отсутствие должного (с точки зрения действительности) оригинала.

Согласно Жану Бодрийяру в переходе реальности в гиперреальность можно выделить следующие последовательные фазы эволюции образа: 1) образ является отражением базовой реальности; 2) образ маскирует и искажает базовую реальность; 3) образ маскирует отсутствие базовой реальности; 4) образ не имеет отношения к какой-либо реальности, чем бы она ни являлась: он является своим собственным чистым симулякром [3, с. 23]. При этом каждый порожденный симулякр является конституирующим последующие симулякры.

Симулякры не просто существуют наравне с реальностью, они во многом более реальны, чем недоступные «вещи-в-себе». Они действуют, детерминируют поведение человека, социальные процессы, заполняют культурное пространство [24, с. 200].

Несколько примеров симулякров. Ярким примером симулякра в нашей сегодняшней жизни является искусственный интеллект.

Искусственный интеллект представляет собой не копию естественного интеллекта, а копию воображаемой модели человека (модели его познавательных способностей), созданную на основе различных представлений. Симуляционная природа таких моделей проявляется в том, что они не являются проекцией, они больше не являются воображаемым относительно реального, они сами антиципация (предвосхищение) реального. В результате искусственный интеллект как симулякр (копия копии) не тождественен ни оригиналу, т.е. мозгу, ни его копии, т.е. моделям нервной системы человека, а представляет собой самобытное образование со своей онтологией, в которой тождество и различие, реальность и виртуальность, упорядоченность и хаос, контролируемость и непредсказуемость образуют объект, новый даже для его создателей. При этом для того, чтобы идеи искусственного интеллекта оказали влияние на человека, не обязательно его материальное воплощение, поскольку симулякр может быть не менее действенным, чем реальный объект. Искусственный интеллект как глобальный проект нового моделирования в эпоху моделей становится не просто одним из симулякров, а точкой сборки, подлинным воображаемым, на которое опираются в своем обосновании все другие модели-симулякры [24, с. 200, 202].

Еще одним красноречивым примером симулякра является международный терроризм.

Имея узко юридический смысл, четко не зафиксированный в документах, данный термин распространяется и успешно применяется для описания многих схожих по сути явлений. Реакцией на данный симулякр выступают вполне реальные феномены: антитеррористические операции, законодательные акты, финансирование спецслужб и многое другое. Причем термин «международный терроризм» в последнее время стал успешно применяться и в российской практике – на Северном Кавказе. Это является одним из свидетельств того, что все особенности виртуальной реальности и виртуального социума могут быть спроецированы на российскую действительность» [1]. Современный международный терроризм, несмотря на всю его общественную опасность, – это своего рода атавизм трансформирующегося человечества. С одной стороны, это агония грубой силы отдельных радикальных групп населения завоевать комфортные, в их религиозном, социальном, политическом и прочем представлении, условия существования. С другой стороны, современный международный терроризм – это грубая обкатка технологий силовой конкуренции мировых акторов, в частности корпораций (государствообразующих, государственных, надгосударственных). Террористическое движение бесперспективно с позиции эффективности и полученных результатов связи с противостоянием (хотя не без противостояния в самих силах противостояния) ему мирового сообщества. Однако терроризм эффективен с точки зрения разработки новых технологий силового конкурентного противостояния и преодоления противодействия ему. Угроза кроется в смене массового использования (открытого или скрытого, как волны беженцев и прочее) живой силы внедрением достижений NBIC-технологий как в сфере уничтожения ресурсов и людей, так и управления последними [8, с. 95].

Что касается симулякров непосредственно имеющих место относительно противодействия преступности, то в качестве одного из таковых можно указать на статистику преступности.

Сегодня мы в полной мере сознаем, что решение «профильных» задач антикриминальной деятельности объективно требует опоры на определенную сумму криминологических знаний и, соответственно, криминологической информации, прежде всего, о состоянии преступности. При этом мы топчемся на месте, демагогуя об усовершенствовании отечественной системы учета (регистрации) преступности и тщательно, критически, со вкусом анализируем мировые отчеты (UNODC и т. п.) об уровне преступности, построенные на «местных» официальных отчетах о регистрируемых органами власти преступлениях.

Однако можно ли опираться на эти данные? Мировой анализ уровня убийств осуществлен на основании данных официальной статистики государств-респондентов. Но являются ли репрезентативными указанные расчеты, учитывая отличающееся уголовное и процессуальное законодательство в большинстве стран мира (даже относительно убийства – самого древнего преступления на планете, существующего во всех ранних и современных правовых системах, юридические и статистические дефиниции в разных странах далеко не всегда совпадают); различную в разных странах методологию сбора и подход к отображению в статистических отчетах данных по уровню преступности; разное состояние (соответственно и интенсивность деятельности) правоохранительной системы, на которую возложена обязанность оценки уровня преступности и т.д. [13, с. 7]?

И тут исторически подтверждается правота классиков. Как отмечал еще в середине XIX века русский криминалист Захаревич Ф., «число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть ещё средство, вполне достаточное для числа преступлений, истинно совершаемых. Статистические цифры, взятые в массе, скорее должны считаться мерами полицейской деятельности, чем состояния преступности в губернии или области» [7, с. 258].

Мировой тенденцией стало создание и укрепление аналитических подразделений в правоохранительных органах развитых стран. В эпоху информационного общества иначе и не может быть. Однако, к сожалению, приоритетным стал курс на максимальную математизацию аналитической работы, в основу которой положены манипуляции со статистическими показателями. Данные показатели совсем не воспроизводят реальное состояние противодействия преступности, а показывают лишь движение учетных документов об обнаруженных и раскрытых преступлениях. Как верно указывает Лунеев В. В., растущая же, как по уровню, так и по профессионализму преступность и жесткие субъективистские требования власти относительно ее снижения накладываются на ограниченные возможности МВД и иных правоохранительных органов и их разрозненность в регистрации преступлений, определяют неполный, искривленный и «управляемый» учет преступлений [17, с. 304].

В итоге можно констатировать, что сегодня уровень регистрируемых преступлений действительно отвечает не столько реальному уровню пораженности преступностью нашего общества, сколько фактическим возможностям (их границам) правоохранительных органов расследовать (обрабатывать соответствующую информацию и принимать решение) зарегистрированные преступления. Падение соответствующего потенциала правоохранительных органов отображается в искус-

ственной «регуляции» уровня преступности в стране, как средству самосохранения правоохранительной системы [10, с. 81]. Ярким подтверждением сказанному является сегодняшнее положение дел относительно статистического учета преступности в странах Евросоюза, которые вынуждено замалчивают фактические данные о преступности мигрантов.

Таким образом, в действительности статистика преступности (без реализации надлежащих виктимологических методик оценки криминологической безопасности населения, исследования латентной преступности и пр.) отражает лишь статистику преступности. А за данной статистикой стоит (как реакция на симулякр) вполне реальная практическая деятельность правоохранительных органов, правотворческие процессы, распределение материальных ресурсов и пр. Искажение реальной картины относительно пораженности нашего общества преступностью лишь порождает и углубляет его кризисное состояние, а невозможность получения достоверной криминологической информации сводит на нет меры противодействия преступности. Напомним, что опасность симулякров кроется в том, что каждый порожденный симулякр является конституирующим последующие симулякры.

Отдельную разновидность симулякров антикриминальной деятельности составляют, так называемые, правовые (юридические) симулякры.

Юридический симулякр, указывает Головкин Р. Б., – это «форма статической юридической иллюзии, предусмотренная юридическими нормами в виде относительно стабильного конкретного субъективного локализованного образа мыслимой как реальной, но реально не реализованной действительности, в ее понятийном выражении, признаваемой как самим субъектом, сформировавшим иллюзию, так и другими участниками правоотношений» [4, с. 127]. Правовые симулякры – это акты, имеющие знаковую правовую форму, но не порождающие право и не ставшие информационной основой правовой коммуникации. Главным основанием для установления порочности результата правотворчества является отсутствие легализации объекта правотворчества, то есть невовлеченность правовой новации в систему права [2, с. 48-49]. Примечательно, что в качестве правовых симулякров ученые указывают и на правовое государство, наличие которого закреплено в Конституции РФ, но в реальности только формируемое в нашем обществе, а также на само государство и право [16].

К правовым симулякрам противодействия преступности, на наш взгляд, следует отнести норму Уголовного кодекса РФ (ч. 2 ст. 43), устанавливающую в качестве целей применения уголовного наказания восстановление социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Ответ на вопрос – порождает ли данная норма соответствующие правоотношения, или они остаются в качестве мыслимой как реальная, но реально не реализованной действительности, – к сожалению, вполне очевиден.

Также в качестве симулякра выступает норма Уголовного кодекса РФ (ч. 1 ст. 37), устанавливающая, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». Несмотря на

формальную регламентацию возможности правомерно причинить нападающему лицу вред любой степени тяжести в случае посягательства, сопряженного с насилием (угрозой его применения), опасным для жизни обороняющегося, судебная практика изобилует примерами осуждения обороняющихся лиц при причинении смерти лицу, особенно в случае применения оружия.

Нормы, реально отражающие социально-правовую действительность относительно права человека на необходимую оборону содержатся во многих зарубежных кодексах. Так, например, уголовным законодательством Украины установлено, что «не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет последствием уголовную ответственность применение оружия или каких бы то ни было иных средств или предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного вторжения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему» (ч. 5 ст. 36 УК Украины). Аналогичную норму (ч. 5. ст. 42) содержит УК Республики Армения.

В качестве одного из правовых симулякров противодействия преступности следует рассматривать нормы, направленные «на усиление ответственности должностных лиц правоохранительных органов за совершение действий, повлекших необоснованное уголовное преследование предпринимателей и прекращение ими хозяйственной деятельности» [21]. В соответствии с внесенными Федеральным законом от 19.12.2016 № 436-ФЗ изменениями, ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела» в ч. 3 предусматривает ответственность за «незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба».

Реальность же такова, что такого рода воспрепятствование предпринимательской деятельности (преследование предпринимателя) фактически может осуществляться посредством незаконного уголовного преследования (процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления – п. 55 ст. 5 УПК РФ), а не только путем незаконного возбуждения уголовного дела и в частности (что часто и имеет место) при доследственной проверке; негативные последствия неправомерных действий соответствующих субъектов, кроме крупного ущерба могут выражаться в наступлении иных тяжких последствий, таких, как смерть или тяжелое заболевание потерпевшего и пр. [9].

Одной из разновидностей симулякров противодействия преступности являются различного рода технологические симулякры.

Сегодня мы имеем дело уже не столько с вещами и их однозначными функциями, сколько с настоящими функциональными симулякрами. Усиливается отчуждение человека, а вещи заменяют конкретные межличностные и социальные отношения. Так, вещь перестает быть просто способом решения определенной практической проблемы, она вполне способна разрешить и некий психологический, более того, социальный конфликт. В ситуации, когда для каждой проблемы есть своя вещь, она даже не столько разрешает эти конфликты, сколько подменяет их иллю-

зией благополучного разрешения. Механическое решение выступает на место социального решения или биологической адаптации. В этом смысле машина отнюдь не является знаком могущества социального строя, но знаменует нередко его бессилие и паралич [15].

Примером технологического симулякра противодействия преступности является концепция, так называемого, электронного правосудия – автоматизированных алгоритмов (в том числе экспертных систем на базе искусственного интеллекта) и процедур рассмотрения уголовных дел.

Некоторые исследователи считают, что «использование экспертных систем, позволяющих осуществлять релевантное толкование норм права, а также способных анализировать конкретные ситуации и прогнозировать решения по соответствующим делам на основании анализа законодательства и правоприменительной практики, с одной стороны, позволяет поддерживать последовательность при толковании законодательства, обеспечивать прозрачность принятия решений, повышать доверие общественности к системе правосудия, способствовать повышению уровня знания законов общественностью, а также осуществлять более эффективную подготовку судей и юристов в целом. Кроме того, формирование судебных актов юнитом искусственного интеллекта на тех этапах, когда большая часть фактических вопросов уже решена, и такой акт можно принять посредством лишь оценки согласованных фактов, может быть более эффективным, прозрачным, последовательным и дешёвым» [20, с. 8-9]. Также отмечается объективность «электронного судьи» и его полная беспристрастность, лишённая неуместного сочувствия, восхищения или иных чувств при принятии решений [20, с. 9].

В чем в реальности будет выражаться функционирование такого рода систем: в разрешении социальных конфликтов или же в создании иллюзии их благополучного разрешения? Замена социального решения механическим решением порождает качественно новую реальность, оторванную социальной реальности преступления и преступности. Симулякр конституирует симулякр.

Таким образом, симулякр противодействия преступности, как и любой симулякр как таковой – так или иначе, является формой реальности. Это истина, которая скрывает, что ее не существует. Симулякр – это не искаженная реальность, ложь, неправда. Это пустота, отражающая отсутствие должной действительности. Симулякры детерминируют поведение человека, социальные процессы, заполняют культурное пространство.

Что касается симуляции (от лат. *simulatio* – видимость, притворство) правоохранительной деятельности, то суть здесь в следующем. Действительность и симулякры антикриминальной деятельности детерминируют поведение человека, социальные процессы, прежде всего, поведение субъектов противодействия преступности. И если симулякры объективно детерминированы, то симуляции имеют преимущественно субъективную природу.

Так, в связи с объективным отставанием правовой базы от реального развития преступности сотрудники правоохранительных органов в своей деятельности часто сталкиваются с недостатками правового обеспечения. Как результат, при возникновении нетипичных служебных ситуаций часто оказывается, что эти ситуации либо не урегулированы законом, или не согласованы с действующими нормами. Подобные недостатки правовой оснащённости часто вынуждают сотрудников правоохра-

нительных органов идти на злоупотребления и превышения власти или использовать обман как метод достижения законных целей или бездействовать даже в тех ситуациях, где они становятся очевидцами преступлений [23, с. 67].

Различного рода симуляции противодействия преступности могут быть объективно детерминированы и недостатками технологического и материально-технического обеспечения антикриминальной деятельности.

Если общество требует высокой раскрываемости преступлений, не обеспечивая при этом правоохранительные органы эффективными оперативно-следственными технологиями и соответствующими материально-техническими средствами, то возникает пласт преступлений, связанных с незаконными методами ведения следствия и преследующих цель сократить разрыв между ожиданиями общества и результатами полицейской деятельности [19, с. 225]. Не говоря уже о сокрытии преступлений от учета, как средстве сокращения указанного разрыва. Вместо исполнения своих непосредственных служебных функций работник правоохранительных органов, чтобы не потерять работу, которая является единственным источником доходов, всеми доступными ему путями и средствами пытается выполнить ведомственные установки относительно профилактики, регистрации и раскрываемости преступлений.

Нередко симуляция правоохранительной деятельности детерминирована нежеланием отдельных сотрудников правоохранительных органов надлежащим образом выполнять свои служебные функции, их стремлением, не прилагая особых усилий, что требует к тому же высоких личных и профессиональных качеств, выполнить возложенный на него объем работы, улучшить показатели, получить вознаграждение, продвижение по службе и пр.

Здесь также возникает желание вспомнить классиков. Как отмечал более века назад Габриель где Тард, «уменьшение числа преступников объясняется, скорее всего, распространяющейся с каждым днем всё более среди прокуроров похвальной привычкой исправлять незначительные преступления, произвольно откидывая некоторые обстоятельства, как, например, взлом или проникновение в чужое помещение, что мало имеет значения при кражах. Преобразованные таким образом во время процесса преступные факты влекут за собой гораздо меньше наказание, и притом, если обвиняемый предпочитает суду присяжных палате, он всегда имеет возможность уклониться от подсудности этому суду» [22, с. 248].

Как можем видеть, к сожалению, веками желание и умение «не работать», присущее некоторым представителям правоохранительных органов, остается неизменным. Изменяется лишь доминирующая мотивация и механизм ее практической реализации. Так, наряду с бездействием, укрывательством преступлений и иными злоупотреблениями по службе, совершаемых по «карьеристским» и «служебным» мотивам, не меньший масштаб имеет их совершение по банальным корыстным мотивам. Если раньше отдельные сотрудники правоохранительных органов скрывали определенные факты или бездействовали преимущественно в «интересах дела», то сегодня, кроме этого, они нередко видят в такой «работе» простое и эффективное средство обогащения [12].

Таким образом, обращение к философским категориям симулякра и симуляции с целью критического анализа современной антикриминальной деятельности позволяет выявлять «отсутствие истины» и конструировать данную деятельность в соответствии объективно существующим порядком вещей, реальностью.

Симулякры противодействия преступности указывают нам на необходимость формирования действительности не виртуальной, а соответствующей реальному положению вещей. Нам необходимо получение истинного знания о криминальной реальности (о природе преступного поведения и преступности как феномена, о состоянии преступности и пр.) с целью выработки реальных антикриминальных мер и их реальной (не симулятивной) реализации.

Наше нежелание или неспособность познать криминальную реальность с вынужденной необходимостью порождает симулякры – криминальную и антикриминальную вместо-реальность (управляемые статистические учеты, «виртуальные» правовые нормы и пр.), которые детерминируют как реальную деятельность, так и симуляции субъектов противодействия преступности.

Такое положение дел заставляет нас задать себе вопрос: является ли правопорядок и законность симулякрами, если права и право нарушаются, а преступления совершаются? Недопустимо в понимании правопорядка и законности исходить из того, что это формальные понятия. Необходимо, чтоб в практической деятельности данные категории выступали принципами конструирования социально-правовой реальности, в том числе антикриминальной деятельности.

Список литературы

1. Авсейков, С. А. Виртуальность как фактор инфогеополитического взаимодействия / С. А. Авсейков. – Текст : непосредственный. // Аналитика культурологии. – 2008. – № 1 (10). – С. 285-286.
2. Багдасаров, В. Ю. Объект правотворчества / В. Ю. Багдасаров. – Текст : непосредственный. // Право и современные государства. – 2016. – № 2. – С. 46-51.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; перевод О. А. Печенкина. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с. – Текст : непосредственный.
4. Головкин, Р. Б. Иллюзии в праве / Р. Б. Головкин. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 1 (38). – С. 123-128.
5. Грицанов, А. А., Кацук, Н. Л. Жан Бодрийяр / А. А. Грицанов, Н. Л. Кацук. – Мн. : Книжный дом, 2008. – 256 с. – Текст : непосредственный
6. Грицанов, А. А. Постмодернизм: [энциклопедия] / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Мн. : Интерпрессервис ; Книжный дом, 2001. – 1040 с. – Текст : непосредственный
7. Захаревич, Ф. Опыт юридической статистики / Ф. Захаревич. – Текст : непосредственный // Журнал Министерства внутренних дел, 1853. – Ч. 41. – С. 256-259.
8. Игнатов, А. Н. «Криминология завтра» нужна уже сегодня / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 94-99.
9. Игнатов, А. Н. К вопросу об уголовно-правовой защите предпринимателей и иных лиц от незаконного уголовного преследования / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV международной научно-практической конференции. – М. : РГ-Пресс, 2018. – С. 321-324.
10. Игнатов, А. Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 2) / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 1 (28). – С. 76-81.
11. Игнатов, А. Н. Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6 (23). – С. 157-168.
12. Игнатов, А. Н. Типология работников правоохранительных органов, совершающих насильственные преступления / А. Н. Игнатов. – Текст : непосредственный // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. – 2011. – № 1 (20). – С. 92-97.

13. Игнатов, А. Н. Убийство: криминологическое статистическое исследование: монография / А. Н. Игнатов. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымчепедгиз», 2012. – 176 с. – Текст : непосредственный.
14. Игнатов, А. Н. Концептуальные основы, направления и меры противодействия криминальному насилию \ А. Н. Игнатов, К. В. Вишневецкий, А. А. Кашкаров А. А. – Текст : непосредственный. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 133-141.
15. Кирюшин, А. Н., Асташова, А. Н. Идея симулякра в понимании виртуального: от Платона к постмодернизму / А. Н. Кирюшин, А. Н. Асташова – Текст : электронный // Гуманитарные научные исследования : [сайт]. – 2012. – № 8. – . – URL: <http://human.snauka.ru/2012/08/1593> (дата обращения: 11.01.2020).
16. Лазарев, В. В. Естественно-правовые пределы свободы выражения и самовыражения / В. В. Лазарев. – Текст : непосредственный // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции (к 60-летию Андрея Васильевича Полякова). В 2 т. Т. 1. – СПб., 2014. – С. 101–115.
17. Лунеев, В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 868 с. – Текст : непосредственный.
18. Максимова, М. В. Реальность как симулякр в социальной теории эпохи постмодерн / М. В. Максимова. – Текст : непосредственный. // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. – 2014. – № 2. С. 138-144.
19. Мартыненко, О. А. Детерминация и предупреждение преступности среди персонала органов внутренних дел Украины: монография / О. А. Мартыненко. – Х. : Изд-во ХНУВС, 2005. – 496 с. – Текст : непосредственный.
20. Морхат, П. М. Использование искусственного интеллекта при осуществлении правосудия как способ преодоления судейского усмотрения / П. М. Морхат. – Текст : непосредственный. // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 5 (161). – С. 6-11.
21. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 15810-7 «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 169 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // ГарантПлюс : [сайт]. – 2020. – URL: <http://base.garant.ru/57263033/> (дата обращения: 11.01.2020). – Текст электронный.
22. Тард Г., Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Г. Тард ; сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 391 с. – Текст : непосредственный.
23. Черепашкин, А. С. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками милиции общественной безопасности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соиск. ... канд. юрид. наук / Черепашкин Алексей Сергеевич ; Омская академия МДВ РФ. – Омск, 2004. – 188 с. – Текст : непосредственный.
24. Ястреб, Н. А. Искусственный интеллект как симулякр третьего порядка / Н. А. Ястреб. – Текст : непосредственный. // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2012. – № 1 (3). – С. 197-202.

Ignatov A. N. Counteraction crime: simulacra and simulation / A. N. Ignatov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – P. 215-226.

The article is devoted to the critical analysis of crime counteraction as a system of various types of activities and comprehensive measures (carried out by society and the state) aimed at preventing, eliminating, neutralizing and limiting (weakening) the factors determining the crime and at minimizing the mass, systemic, criminal behavior of members of a society. This analysis is made through the prism of the philosophical categories of simulacrum and simulation. The recourse to the philosophical categories of simulacrum and simulation with the aim of a critical analysis of modern anti-criminal activity allows us to identify the "lack of truth" and design this activity in accordance with the objectively existing order of things, reality. Our unwillingness or inability to cognize criminal reality with compelled necessity gives rise to simulacra - criminal and anti-criminal instead-reality (managed statistical records, "virtual" legal norms, various technological simulacra, etc.) that determine both real activities and simulations of the subjects of crime counteraction.

Keywords: simulacrum, simulation, statistics, crime, crime counteraction crime, anti-criminal activity, law enforcement agencies.

Spisok literatury`

1. Avsejkov, S. A. Virtual`nost` kak faktor infogeopoliticheskogo vzaimodejstviya / S. A. Avsejkov. – Tekst : neposredstvenny`j. // Analitika kul`turologii. – 2008. – № 1 (10). – S. 285-286.
2. Bagdasarov, V. Yu. Ob`ekt pravotvorchestva / V. Yu. Bagdasarov. – Tekst : neposredstvenny`j. // Pravo i sovremenny`e gosudarstva. – 2016. – № 2. – S. 46-51.
3. Bodriyar, Zh. Simulyakry` i simulyaciya / Zh. Bodriyar ; perevod O. A. Pechenkina. – Tula : Tul`skij poligrafist, 2013. – 204 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
4. Golovkin, R. B. Illyuzii v prave / R. B. Golovkin. – Tekst : neposredstvenny`j // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2016. – № 1 (38). – S. 123-128.
5. Griczanov, A. A., Kaczuk, N. L. Zhan Bodriyar / A. A. Griczanov, N. L. Kaczuk. – Mn. : Knizhny`j dom, 2008. – 256 s. – Tekst : neposredstvenny`j
6. Griczanov, A. A. Postmodernizm: [e`nciklopediya] / A. A. Griczanov, M. A. Mozhejko. – Mn. : Interpresservis ; Knizhny`j dom, 2001. – 1040 s. – Tekst : neposredstvenny`j
7. Zaxarevich, F. Opy`t yuridicheskoy statistiki / F. Zaxarevich. – Tekst : neposredstvenny`j // Zhurnal Ministerstva vnutrennix del, 1853. – Ch. 41. – S. 256-259.
8. Ignatov, A. N. «Kriminologiya zavtra» nuzhna uzhe segodnya / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j // Obshestvo i pravo. – 2016. – № 4 (58). – S. 94-99.
9. Ignatov, A. N. K voprosu ob ugovolno-pravovoj zashhite predprinimatelej i iny`x licz ot nezakonnogo ugovolnogo presledovaniya / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy` XV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – M. : RG-Press, 2018. – S. 321-324.
10. Ignatov, A. N. Ob urovne prestupnosti i deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov (chast` 2) / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2013. – № 1 (28). – S. 76-81.
11. Ignatov, A. N. Strategiya protivodejstviya kriminal`nomu nasiliyu v sovremennom obshestve / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j // Biblioteka kriminalista. Nauchny`j zhurnal. – 2015. – № 6 (23). – S. 157-168.
12. Ignatov, A. N. Tipologiya rabotnikov pravooxranitel`ny`x organov, sovershayushhix nasil`stvenny`e prestupleniya / A. N. Ignatov. – Tekst : neposredstvenny`j // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Zhurnal Sankt-Peterburzhskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. – 2011. – № 1 (20). – S. 92-97.
13. Ignatov, A. N. Ubijstvo: kriminologo-statisticheskoe issledovanie: monografiya / A. N. Ignatov. – Simferopol` : KRP «Izdatel`stvo «Kry`muchpedgiz», 2012. – 176 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
14. Ignatov, A. N. Konceptual`ny`e osnovy`, napravleniya i mery` protivodejstviya kriminal`nomu nasiliyu \ A. N. Ignatov, K. V. Vishneveczkij, A. A. Kashkarov A. A. – Tekst : neposredstvenny`j. // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2018. – № 2 (42). – S. 133-141.
15. Kiryushin, A. N., Astashova, A. N. Ideya simulyakra v ponimanii virtual`nogo: ot Platona k postmodernizmu / A. N. Kiryushin, A. N. Astashova – Tekst : e`lektronny`j // Gumanitarny`e nauchny`e issledovaniya : [sajt]. – 2012. – № 8. – . – URL: <http://human.snauka.ru/2012/08/1593> (data obrashheniya: 11.01.2020).
16. Lazarev, V. V. Estestvenno-pravovy`e predely` svobody` vy`razheniya i samovy`razheniya / V. V. Lazarev. – Tekst : neposredstvenny`j // Kommunikativnaya teoriya prava i sovremenny`e problemy` yurisprudencii (k 60-letiyu Andreyu Vasil`evicha Polyakova). V 2 t. T. 1. – SPb., 2014. – S. 101-115.
17. Luneev, V. V. Prestupnost` XX veke: mirovy`e, regional`ny`e i rossijskie tendencii / V. V. Luneev. Izd. 2-e, pererab. i dop. – M.: Volters Kluver, 2005. – 868 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
18. Maksimova, M. V. Real`nost` kak simulyakr v social`noj teorii e`poxi postmodern / M. V. Maksimova. – Tekst : neposredstvenny`j. // Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politexnicheskogo instituta). Seriya: Social`no-e`konomicheskie nauki. – 2014. – № 2. S. 138-144.
19. Marty`nenko, O. A. Determinaciya i preduprezhdenie prestupnosti sredi personala organov vnutrennix del Ukrainy`: monografiya / O. A. Marty`nenko. – X. : Izd-vo XNUVS, 2005. – 496 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
20. Morxat, P. M. Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta pri osushhestvlenii pravosudiya kak sposob preodoleniya sudejskogo usmotreniya / P. M. Morxat. – Tekst : neposredstvenny`j. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2018. – № 5 (161). – S. 6-11.

21. Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona № 15810-7 «O vnesenii izmenenij v stat'yu 299 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'yu 169 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // GARANT.PLYUS : [sajt]. – 2020. – URL: <http://base.garant.ru/57263033/> (data obrashheniya: 11.01.2020). – Tekst e'lektronny'j.

22. Tard G., Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy' / G. Tard ; sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo. – M. : INFRA-M, 2009. – 391 s. – Tekst : neposredstvenny'j.

23. Cherepashkin, A. S. Kriminologicheskaya karakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemy'x sotrudnikami milicii obshhestvennoj bezopasnosti: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo» : dis. na soisk. ... kand. jurid. nauk / Cherepashkin Aleksej Sergeevich ; Omskaya akademiya MDV RF. – Omsk, 2004. – 188 s. – Tekst : neposredstvenny'j.

24. Yastrebn, N. A. Iskusstvenny'j intellekt kak simulyakr tret'ego poryadka / N. A. Yastrev. – Tekst : neposredstvenny'j // Filosofskie problemy' informacionny'x texnologij i kiberprostranstva. – 2012. – № 1 (3). – S. 197-202.